

РУССКИЙ АВАНГАРД И МОДЕРНИЗМ В МАКЕДОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

МИЛАН ГЮРЧИНОВ (СКОПЬЕ)

Македонская литература имела нетипичное развитие в отношении других балканских литератур в XX веке. В первой половине этого столетия македонские писатели пишут как одинокие и изолированные индивидуумы, часто и на языках соседних народов, так как не существовало непрерывного и свободного развития македонской литературы, а так же кодифицированного родного языка. Македонская национальная культура проходила через тяжелые искушения и должны были настать иные времена, для того чтобы она могла утвердить и развить свой отдельный языковой и литературный идентитет. Этот момент наступил с концом Второй мировой войны, когда современный македонский язык был стандартизирован и когда македонская художественная литература большими шагами начала развиваться и обогащаться.

Этот ранний период македонской литературы многие сравнивают с "ускоренной эстетической эволюцией", а именно в ее рамках уже в начале 50-х годов появился и начал развиваться *македонский модернизм*. Этот процесс, как известно, не является специфичным только для македонской литературы. Он появляется еще в 19 веке в рамках т.н. "восточноевропейской и южноевропейской зон европейской литературы", а у некоторых народов и в начале XX века, как, например, в случае с белорусской литературой. Александр Флакер, один из лучших знатоков русского и европейского авангарда, приводит слова белорусского поэта Максима Богдановича, который говорит следующее: "За восемь-девять лет своего настоящего существования наша поэзия прошла все пути и дороги, которые европейская литература создавала на протяжении более ста лет. Из наших стихотворений легко было бы составить "краткий репетиторий" европейских литературных течений прошедшего столетия: сентиментализм, романтизм, реализм и натурализм, в заключении и модернизм, – все это, иногда и в их самых различных видах, нашло свое отражение в нашей поэзии."¹

Это размышление в большой мере могло бы относиться и к македонской литературе середины XX века.

¹ См.: Aleksandar Flaker, *Stilske formacije*, Zagreb, 1976, с. 65.

Македонский модернизм характеризовался широкой открытостью западному опыту в литературе и искусстве, в том числе и к западному авангарду начала XX века (прежде всего к французскому), влияние которого было самым значительным. Предварительно русская литература в большой степени присутствовала в Македонии в 40-е 50-е годы. В соответствии с анкетой, проведенной в рамках группы сравнительной литературы на Филологическом факультете в Скопье, 83,5% всех работ из области иностранной литературы были посвящены русской литературе. Разумеется, в том политическом климате это могли быть лишь те авторы и темы, которые самым тесным образом были связаны с доктриной соцреализма. То, что сегодня мы называем "русским авангардом", лишь в незначительной мере было известно македонской литературе. Ситуация резко меняется после 1948 года и после разрыва Югославии со Сталиным и СССР, с установлением "эстетического плюрализма" во всей югославской культуре, тем самым был открыт путь для появления идей авангарда и модернизма в македонской литературе.

Македонский модернизм самое сильное свое выражение получил прежде всего в поэзии и критике, а в прозе несколько позднее. То же самое происходило и в других балканских литературах. Особенно глубоким был переворот в поэзии, где переход к новому языку поэзии начал осуществляться в духе понимания поэзии Полем Валери, как "язык в языке". Об этом говорит и Миклош Саболичи: "Авангард появится тогда – находящиеся в употреблении поэтические средства становятся слишком привычными, возникает необходимость в их обновлении."² В критике же наступает радикальный пересмотр всего предварительно достигнутого, что находит свое самое широкое выражение в критической деятельности и предводителя македонского модернизма, новеллиста и критика Дмитра Солева (1930).

Первые импульсы русского авангарда на македонской литературной и художественной сцене появляются, в 60-е годы, в эпоху, которую мы могли бы обозначить как "поздний модернизм" (в некоторых европейских странах и у некоторых авторов - "неоавангардизм"). В наших главных литературных публикациях, а особенно в центральном органе македонских модернистов, "Разгледни", начали упоминаться и переводиться малоизвестные прежде русские авторы: Гане Тодоровский переводит поэму Блока "Двенадцать", Георги Сталев стихотворение "Скифы", Влада Урошевич проявляет интерес к Юрию Олеше и русской прозе 20-х годов, Дмитр Солев пишет об Исааке Бабеле и Борнсе Пильняке. Короче говоря, вся македонская литература и культура, наряду к запад-

² Ср. Miklos Szabolcsi, К некоторым вопросам революционного авангарда, *Ruska književna avangarda XX stoljetja, Umjetnost riječi*, Zagreb, 1981, с. 14.

ной, начинает обращаться к той части русской литературы конца XIX и начала XX века, которая прежде считалась "проблематичной" и "декадентской" и которая вплоть до конца 50-х годов была малоизвестна. В качестве примера хочу привести объяснение своего запоздавшего интереса к Борису Пильняку Дмитра Солева:

"Парадоксально, достойно сожаления или, опять же, осуждения, что один период русской литературы, тот, с Революции и вплоть до тридцатых годов, и сегодня для нас достаточно неизвестен или известен односторонне, и нам лишь предстоит открыть его как исключительно интересный. Несомненно, преимущественную скрытую заслугу в этом имело и официальное подкрепление формулы соцреализма, которая хотела устранить все, что она желала, чтобы быть частью нового социалистического искусства".³

Раннее футуристское творчество Маяковского было известно большинству македонских поэтов, но, может быть, более интересным является тот факт, что в Македонии очень рано появляется интерес к лирике Бориса Пастернака. Еще в 1956 году были переведены первые его стихотворения, а в начале 60-х появляется и первая книга стихов, первая такого вида во всей бывшей Югославии. (Стихи перевел поэт Гане Тодоровский, а книгу, отбор произведений и послесловие подготовил автор этих строк). Обращение к Пастернаку имело тем большее значение, что оно было обусловлено не только славой писателя, связанной с опальным романом "Доктор Живаго", сколько своеобразным переворотом, захватившим всю македонскую поэзию в то время. Если выразиться более конкретно, - переходом от доминирующего прежде метафорического, (поэтического) к новому, метонимическому языку и выражению. В сборниках, которые появились в 60-е годы, в книге стихов Влады Урошевича "Летний дождь", очень легко можно узнать пастернаковский метонимический *Ōzik*. Когда позже будет опубликована переписка Пастернака и Цветаевой ("Мисла", Скопье, 1974), этот круг новых русских авторов еще больше расширится. А когда в своих упорных языковых исследованиях Анте Поповски найдет своего великого предшественника в лице Велемира Хлебникова, станет ясно, что современная македонская поэзия тесно взаимодействует с вершинами русского авангарда первой половины XX века и принимает от него драгоценные импульсы.⁴

Параллельно, хотя и с известным опозданием, осуществляется контакт молодой македонской прозы с русской авангардной беллетристи-

³ Dimitar Solev, Boris Andreevič Pilnjak, v knige „Ephata na modernizmot vo makedonskata literatura i umetnost“, Skopje, 2002, str. 311.

⁴ См. об этом статью в сб. стихов Рукопись, Prilep, 1980, с. 5-23.

кой. Здесь в первую очередь следует упомянуть сильное влияние, которое оказали такие русские авторы, как Исаак Бабель и Борис Пильняк на творчество выдающегося македонского рассказчика Живко Чинго, самого талантливого новеллиста не только в 60-е годы, но и до наших дней. Чинго с большой смелостью обрабатывает тему Революции, объясняя последнюю глубокими исконными и мифологическими корнями в бытии народа, и в этом смысле его интимное общение и побуждение из таких книг как "Конармия" и "Голый год" никак не могут быть оставлены без внимания. Но подобные следы и недвусмысленные импульсы имеют место и у других известных македонских прозаиков: у Петра Андреевского или Влады Урошевича, первые рассказы которого уже внушили нам их привязанность к новеллистическому приему Юрия Олеши. Для дальнейшего развития этого нашего плодотворного автора исключительное значение имело и открытие им фантастического мира Михаила Булгакова.

С точки зрения исследователя-компаратиста, особое значение имеет так называемое посредничество, т. е. та роль, которую сыграли отдельные литературы соседних стран в приближении богатого творческого опыта русского литературного авангарда к македонской литературной среде. Ответ на этот вопрос требует более обширного сопоставительного исследования, но мы остановимся здесь на нескольких, по нашему мнению, важных примерах:

Прежде всего мы хотим упомянуть книгу "Еретики и мечтатели", которую (в нескольких томах) издал самый известный исследователь русского авангарда не только у нас, но и в более широком масштабе, Александр Флакер. Книга была хорошо принята в македонской среде, и именно о ней Димитар Солев в "Разгледы" написал восторженный отзыв. Затем, фактом является и то, что такие книги, как "Охранная грамота" (автобиография Пастернака), "Конармия", "Голый год" и "Иван Москва" были у нас хорошо известны при посредстве изданий белградского "Нолита" на сербскохорватском языке. Сильное впечатление оставила и монография Наны Богданович "Футуризм Маринетти и Маяковского" (Белград, 1963), а еще большее значение имела публикация хорошо составленной Антологии современной русской поэзии, которая появилась в Белграде в 1961 году, с предисловием Наны Богданович и в переводах таких значительных сербских поэтов, как Оскар Давичо, Станислав Винавер, Бранко Милькович. Антологию подготовили Милица Николич и Нана Богданович, а в ней впервые появились рядом: Валерий Брюсов и Андрей Белый, Ал. Блок, Елена Гуро и Велимир Хлебников, Маяковский и Вадим Шершеневич, С.Есенин и Осип Мандельштам, Пастернак и Марина Цветаева, Заболоцкий и Асеев, Эренбург, Тихонов

и Леонид Мартынов. В обширных портретах-зарисовках авторов впервые был показан исключительный поэтический космос, о котором в нашей среде до того времени мало что было известно.

Существует и иной вид посредничества, которое реализовалось в начале 60-х годов, когда часть македонской интеллигенции осуществила важный контакт с русским литературным и художественным авангардом посредством обучения и профессионального усовершенствования на Западе, прежде всего в Париже, который был, как известно, одним из главных центров русской "заграничной литературы" и искусства.

Если к этому прибавить и непосредственный контакт, который стал осуществляться русской средой в период "оттепели" (после смерти Сталина), становится понятным, что на македонской литературной культурной сцене начало чувствоваться влияние Мейерхольда и Таирова в театре, Прокофьева и Шостаковича в музыке, Кандинского, Малевича и Шагала в живописи, Эйзенштейна и Дзиги Вертова в кино. Нам понадобилось бы много места, чтобы показать, когда и на каких македонских деятелей искусства эти авторы осуществляли свое плодотворное влияние. Пока остановимся на выводе, что присутствие авторов русского авангарда у нас в Македонии было комплексным, и оно не было связано только с одной эпохой, а осуществлялось на протяжении продолжительного периода, вплоть до новейшего времени.

В последнее десятилетие прошедшего века, которое мы обычно связываем с эпохой *постмодернизма*, вдруг просыпается значительный интерес к концу русского авангарда и к обериутам. Новый интеллектуальный и ментальный климат острых кризисов, фрагментарности и потери всякой веры в будущее, время абсурда и полного извращения системы ценностей разожгли интерес к Даниилу Хармсу, которому молодые македонские постмодернисты посвятили несколько очерков, а также специальный номер журнала "Сум". В нем (весна, 1994) молодой критик Элизабета Шелева пишет вводный обзор под заглавием "Даниил Хармс и русские формалисты" (сказ, сдвиг, фрагмент)". В этом смысле в последнем десятилетии появляются информации и о предшественнике и учителе русских обериутов, ленинградском экстравагантном заумнике Александре Туфанове.⁵

Из всего изложенного выше вытекают хотя бы три важных вывода. Я постараюсь вкратце сформулировать их и на этом закончу:

а) прежде всего, недвусмысленно обнаруживается, что влияние русского авангарда на македонский модернизм осуществлялось не непо-

⁵ Впервые о последнем заумнике Ал. Туфанове македонская среда узнала по поводу опубликования его „Неизвестного письма к Борису Пастернаку“, в 1971 г. в Скопье.

средственно, а *a posteriori*, с учетом затрудненного и нетипичного развития македонской литературы;

б) затем, принятие русского авангарда на протяжении широкого промежутка времени подтверждает большую жизнестойкость и плодотворность идей и наследия творческого опыта великих творцов, которые в рамках авангарда оказывали свое влияние в продолжении всего XX века;

в) остается вызовом и темой для отдельного обсуждения вопрос о связи русского авангарда, а также и любого другого подобного течения (к которому, несомненно, относится и македонский модернизм), с социальной сферой, с необходимыми общественными изменениями, с *революцией*, если хотите. Это вопрос, который приблизительно сто лет назад мучил главных представителей русского авангарда, остался открытым и потом. Миклош Саболчи, один из первых толкователей русского авангарда в Средней Европе, не напрасно записал в итоге своей уже упомянутой статьи:

"Авангард же интересен и важен нам именно потому, что является одной из форм своеобразного совпадения революции и искусства."⁶

По его мнению, только это подлинный авангард.

Подобным образом этот вопрос пытается объяснить и чешский теоретик авангарда Зденек Матхаузер в своем реферате на VI Конгрессе Международной ассоциации компаративной литературы (A. I. L.C.), рассматривая вопрос о структуре европейского авангарда.

Однако этот вопрос связан не только с русским авангардом и отдельными историко-политическими и идеологическими обстоятельствами, в которых он возник, а, в более широком смысле, с социальным и духовным статусом современной Европы.

Позвольте мне закончить тем, что недавно на эту тему написал Эдгардо Сангвинетти, один из самых известных представителей итальянского и европейского авангарда.

По его мнению, то, что происходило 70 или 50 лет назад, невзирая на все различия между поэзией авангарда отдельных народов в Европе и вообще в мире, сводится к одному, к тому, что находится в самом ядре авангардной поэзии и её надежд: "Все еще речь идет об одном и том же; как говорилось тогда, а было бы хорошо повторить и сегодня: *"необходимо изменить жизнь, чтобы изменить мир"*, (в книге *"Ideologia e linguaggio"*, 1995, Milano).

⁶ Op. cit., s. 18.